

фото автора

ЛИЦА ДРУЗЕЙ

Илья МЕДОВОЙ

Мой дед хорошо владел немецким языком. Освоил его не по учебникам, а в живом общении с немцами, которых почему-то упорно называл германцами. Дед глубоко уважал немецких коллег-специалистов за трудолюбие, профессиональную надежность, приверженность к порядку, аккуратности, бережливости, но особенно, как ни странно, за педантизм. Будь он жив, его бы наверняка обескуражил рассказ о моем знакомом из Марбурга, который ничуть не соответствует расхожему представлению о немце как о размеренно живущем педанте. Побольше бы таких педантов!

Можно ли забыть нашу с ним поездку на Рейн, когда он гнал свой "БМВ" по шоссе так, что казалось, будто летим в самолете. Впрочем, доктор Хорст Ганс и в самом деле пятнадцать лет пилотировал самолет. На этом любительском летательном аппарате побывал в нескольких странах мира. А когда ему исполнилось шестьдесят и пришлось штурвал оставить, неугомонный Хорст купил яхту, на которой бороздит теперь гладь озера Эдерзее.

Ну, а в тот день, с которого начал я свои заметки, мы заехали в городок Эльтвиль к виноделу, старинному знакомому Хорста, и стали дегустировать вина. Видели бы вы в этот момент моего марбургского друга! Вращая круговым движением бокал, он втягивал ноздрями аромат его содержимого, прополаскивал вином гортань, после чего несколькими точными фразами давал характеристику напитку. С хозяином дома, виноделом Шнайдером, говорил с таким знанием дела, словно это он, а не Шнайдер, винодел в шестом колене. И длинноносый наш хозяин смотрел на профессора Ганса с уважением: как профессионала — на профессионала, знаток — на знатока. В винах Хорст и в самом деле знает толк. Попробовал однажды принесенное мной грузинское саперави и в миг определил марку вина и год, когда был собран виноград. Потолок мансарды в доме, где он живет с женой Марианне, оклеен этикетками вин, которые он пробовал и свойства которых изучил. А его винный погреб содержит коллекцию, свидетельствующую о недюжинных познаниях, изысканном вкусе и исследовательской жилке.

Заодно вспомню еще два эпизода, которым был свидетелем. На карнавале в Марбурге Хорст нацепил красный клоунский нос с усами и в течение нескольких часов заставлял окружающих покатываться со смеху. Прекрасно танцевал, даже и в этом занятии демонстрируя незаурядное чувство юмора. В другой раз великолепно сыграл комическую роль полицейского на дне рождения своего доброго знакомого Вольфганга Клесса.

Но я не хотел бы, чтобы у читателя сложилась впечатление, будто жизнь профессора Ганса заполнена исключительно развлечениями и увлечениями. Окончив университет, Хорст всю жизнь работал отоларингологом. Написал множество трудов по медицине и широко известных учебников, издал пятнадцать книг, в серии медицинских пособий, преподавал в Академии повышения квалификации врачей земли Гессен, организовывал семинары, дискуссии, конференции и все это совмещал с практикой лечащего врача.

Хорошую судьбу не втиснешь в рамки послужного списка. Профессор Ганс высоко поднял ступеньку. Зато состоялся как личность. Известный врач. А еще — авиатор, яхтсмен, путешественник, знаток вин, литератор и музыкант. У доктора Ганса свои представления о карьере. И ему удалось их выразить в созданной им опере, которая так и называется — "Карьера".

До сих пор в моей голове неотвязно звучит ее увертюра — чистые звуки флейты, английского рожка, кларнета, трубы, контрабаса, вызывающие ассоциации с росным полем, небом, летучими облаками.

Опера имеет и философскую

плоскость. Хорсту захотелось показать, как в наше время делаются карьеры. По его мнению, в жизни редко торжествует правда. Честный человек оказывается в глазах жестокого мира глупцом, порядочность и скромность лишь мешают достижению высокого поста. Как и положено, в опере есть главный негодяй. Он, как и надлежит негодяю, поет в главной арии, что людей надо использовать в своих интересах, обращаться с ними, как с игральными кеглями. А хор ученых-подлипал после защиты диссертации "своего" человека эту тему продолжает.

Главный герой (не негодяй) еще студентом познакомился с девушкой. Любовь. Роман. Жизнь душа в душу. Но тут в его карьеру вмешались трудности. "Если я мешаю — могу уйти", — сказала она. И исчезла из его жизни. А молодой человек поспешно женился на дочери своего шефа. Дальше у героя все пошло как по маслу: успешное выступление с докладом, правительственный прием, награждение орденом, пышное торжество по этому случаю. Но вдруг выяснилось, что он не в состоянии совершать из карьерных соображений низкие поступки. И что коллеги отнюдь не пылают к нему любовью, поскольку он не подчиняется принятым в их кругу правилам игры. Жена, после того как он не смог уволить по ее требованию подчиненного, стала считать его трусом. В конце концов герой оказался один, без друзей, жены и работы. Сидит он в итоге на скамейке перед зданием, где протекала его служба, а коллеги, словно не замечая его, проходят мимо. И тут появляется его прежняя подруга и говорит: "Никогда не поздно начать сначала. Ты не один".

Опера Хорста — о выборе между добром и злом. Судьба управляет человеком. Но он в состоянии в любых катаклизмах сохранить свое внутреннее "я". И может, как признается в заключительной арии герой, даже и не сделав карьеры, все-таки иметь право без стыда и омерзения смотреть на себя в зеркало.

Что касается самого Хорста, то, на мой взгляд, его карьера состоялась. Карьера в том смысле, в каком понимает ее сам Хорст. Та карьера, которая означает удавшуюся жизнь.

Доводилось мне встречать людей, которые даже в молодые годы напоминали спущенную шину. Из них словно ушла жизненная энергия. Но есть люди, у которых жизненная энергия неиссякаема. И даже на склоне лет они сильны и ярки. В чем тут дело? В генетическом коде? Хорст считает, что наследственность тут ни при чем. (Хотя, обозревая свою родословную, которую знает в подробностях и лицах с начала XVII века, видит там много деятельных людей — учителей, пасторов, изобретателей, инженеров. Был, например, инженер Ганс, придумавший способ отливки колес для локомотивов. В честь него названа улица в Будапеште). Но все-таки причина ему видится в другом. В обстоятельствах, сформировавших его поколение. В пору его молодости была популярна идея, что нужно жить высшими целями для общего блага. Его сверстникам приходилось гораздо труднее, чем нынешней молодежи. С юности они вынуждены были преодолевать серьезные препятствия, никто им ничего на блюде не преподносил. И потому в этом поколении, сродни российским шестидесятиникам, чаще встречаются крепких, созидательно активных людей.

Мой марбургский друг — яркий тому пример. Иные хнычут, опускают руки под грузом невзгод. А Хорст Ганс чужд нытью. Закончив оперу, сразу же принялся за симфонию, отдал уже третью часть.

Не представляю себе, как можно готовить Хорста в школах и институтах, открывать факультеты для Хорстов, — это все-таки умунастроение, а, скорее, умонастроение. Но твердо знаю: такие люди очень нужны. Воздав им должное, мы, быть может, и сами приобщимся к искусству не бояться жизни во всех ее проявлениях и смело погружаться в ее водоворот.

МАРБУРГ — МОСКВА